

Вер. Москва - 1995 - 21 янв. - с. 3

22.1.95
Н е буду останавливаться ни на несколько взвинченном заголовке письма «Помогите нам еще раз!», ни на забавном самоназвании его авторов: в политике молодость сама по себе не является форой, это не любовь и не спорт. Сосредоточусь на существе обращения политически ангажированных физических лиц к другому физическому лицу, тоже ангажированному, хотя не столько политически, сколько пророчески.

За кого они принимают своего адресата? Они апеллируют к Солженицыну, «как к последней инстанции, высшему и единственному сегодня моральному авторитету в России». И чего они хотят от писателя? Просят «ради России нашей, ради нас и наших детей подумать о возможности согласия быть избранным на высшую должность в государстве».

Если отвлечься от канцелярского слогана (молодые политики отнюдь не обязаны, по нынешним понятиям, блестать хорошим стилем публичных выступлений), то все остальное довольно ясно. Солженицыну предлагается без лишних слов кинуться в омут предстоящей кампании по выборам президента РФ, не обременяя себя долгими раздумьями о тяготах и ответственности первого лица в государстве. «Вам будет не обязательно играть роль президента-политика, — успокаивают знаменитого литератора молодые политики, — но Вы, как Нельсон Мандела или Вацлав Гавел, могли бы стать символом нации, моральным маяком, вокруг которого объединились бы и активно взялись за дело ее лучшие люди, которые зажаты сейчас между двух огней».

Этих лучших людей авторы письма не находят ни среди демократов, ни в структурах законодательной и исполнительной власти, ни тем более среди левой оппозиции и даже среди «многочисленной группы подхалимов, которые заранее согласны с каждой запятой» Солженицына. Вот вечно так в России: узок их круг, «лучших»-то людей, которые знают секрет, как спасти Россию.

Открытое письмо — самый удобный, как известно, способ для обнародования секретов, и молодые политики ничего не скрывают от замершей в напряжении публики.

Во внутренней политике полезны и нужны, на их просвещенный взгляд, порядок и стабильность, отказ от гайдаровского и черномырдинского курсов экономических реформ, протекционизм с упором на провинцию, беспощадная борьба с преступностью и коррупцией, «начиная с самого верха», прекращение чубайсовской приватизации, решительное восстановление единства российских земель. Во внешней политике — разыгрывание в СНГ славянской карты, защита соотечественников за рубежами России, «достойное сотрудничество» с Европой и Азией, прекращение высокопарной болтовни о «глобальной стратегии».

Пусть не шибко густо, без особых интеллектуальных затей, зато определенно: вот вам, г-н Солженицын, и политическая платформа для вашей грядущей президентской отрады. Альтернатив молодые политики не видят: если не это, то либо анархия, либо коммунизм, а то и фашизм, который «не лучше коммунизма».

Как относиться к этому вполне примечательному документу нынешней политической смуты в России? Для начала — как к неизбежности. Солженицын, после его возвращения на родину, был попросту обречен получать подобные предложения и воззвания, и «ВМ» об этом писала. Весь воргбс был в том, откуда они последуют: Демократы последних призывают, равно как и твердые сахаровцы, встретили появление Солженицына на общественно-политической арене без особого восторга, если не сказать боль-

Пробный шар Солженицыну

Кому суждено стать президентом, тот не задержится в писателях. Примерно так можно было бы вкратце откомментировать появившееся в печати («Независимая газета», 11.01.1995) «Открытое письмо молодых политиков» Александру Солженицыну.

ше: они потратили немало сил для развенчания консерватизма и утопичности его видения государственного строительства России и ее экономического реформирования, как оно выразилось в известном трактате «Как нам обустроить Россию» и последующих выступлениях писателя.

Нескрываемая настороженность, которую проявили Президент РФ и направляемое им правительство к общественной активности Солженицыну, не могла не передаться и поддерживающим их силам. Не по пути с ним коммунистам и социалистам. «Вступить» в Жириновского Солженицыну не позволяли соображения, связанные с сохранением доброго имени, что, наверное, сознают и сами жириновцы. Писатель не пропил расположения безоглядно кидаться в объятья русских националистов, которых это не могло не задеть: как же так, мы тут клялись и присягали «Архипелагом ГУЛАГ», а он нас сторонится! Вот и учудили свой шанс молодые политики, из которых «большинству нет и 40», возможность сходить во власть на чужом хребте.

Хорошо прочувствовали они, надо отдать им должное, и момент, когда предложились потенциальному кандидату на пост президента РФ. Россию сейчас трясут и Чечня, и политические разборки в верхах, и региональный раздрай, и развал экономики. Все это чревато дурными последствиями для власти, для общества. Да, собственно, мы вдоволь хлебаем их уже сейчас.

Хотя Ельцина по привычке и по должностям ставят в головах сотни самых влиятельных российских политиков, рейтинг его никогда не был так низок, как

сегодня, а поддержка населением столь мала. Президент и его окружение не могут этого не сознавать: если уж «выбросы» откручиваются от него, при всех оговорках, то дальше ехать почти некуда. Разве что, как в некогда популярной песне, за туманом. И за запахом тайги.

Можно, конечно, засыпывать с коммунистами и вводить их в псевдокоалиционное правительство. Можно проводить в роскошных кабинетах инструктиками, чтобы отфильтрованной общественности. Можно брать на себя ответственность за всё и одновременно искать козлов отпущения за политические и экономические срывы среди злоказненных политиков, банкиров, журналистов. Можно поручать служивым из президентской охраны защиту государственных интересов и изложение президентской идеологии, непримиримо засторонив против «русофобии» и «прозападничества». Можно переподчинить Президенту не только Генеральный штаб, но и «Скорую помощь» вместе с теннисной ассоциацией, благо ее покинул Никита Михалков. Все это можно.

если угодно. Отца нации (термин не мой, почертнут из либеральных публикаций о Солженицыне).

Да вполне, господа: если российское общество и расслоилось, то крайне примитивно, и структурирование ему пока явно не по чину. Экономически и социально оно состоит сегодня из «новых русских» и бюрократов, которые, пусть по-разному, сумели отхватить изрядные куски от пирога государственности, и всех прочих, коих насчитывается до девяноста с лишним процентов населения и кто чувствует горькое похмелье на чужом пиру. Политически и морально общество и вовсе раздвоилось: на тех, кто поддерживает Ельцина, доверяет ему (таких, по данным многочисленных опросов, набирается до пятнадцати процентов), и тех, кто не поддерживает, не доверяет. Нетрудно оценить, какая часть «раслоившегося» избирателей решит судьбу выборов в президенты РФ. Если, конечно, пойдет на избирательные участки.

Понятно, что кандидаты в президенты вынуждены будут считаться не только с интересами, но и с менталитетом, с моральными ожиданиями подавляющего большинства граждан России. Тут молодые политики не ошиблись, предусмотрев в своем послании Солженицыну пересмотр сегодняшнего курса государственной политики. К этому будут принуждены логикой борьбы за голоса избирателей все кандидаты, хоть бы и сам Ельцин, коль скоро он решит баллотироваться. Вот только туда ли авторы письма гнут эту реформаторскую политику? Не ведаю, что скажет Солженицын, а на мой вкус молодые политики явно перегибают в сторону консерватизма, рассчитывая, видимо, на сочувствие Александра Исаевича, не жалующего либералов, а к демократии относящегося с большим резервом.

Но захочет ли он усыновить молодых политиков до сорока (классический бальзаковский возраст!) с их программой? Льщу себя надеждой, что ему еще не надобны политические поводы. Что надежда эта небезосновательна, подтверждает недавнее интервью Солженицына еженедельнику «Аргументы и факты» по поводу событий в Чечне. Он назвал ведущую там войну тяжелой политической ошибкой, наносящей большой ущерб стране, отверг домыслы о безмолвной поддержке с его стороны ввода войск и военных действий и отоспал интересующихся его принципиальной позицией по проблемам национально-государственного строительства в России к своей четырехлетней давности статье. Отсюда можно заключить, что Солженицын все еще предпочитает думать своей головой, а не пользоваться чужими, даже если они принадлежат новому политическому поколению, пробующему его на амплуа президентского электровоза, который транспортирует их в высшие эшелоны власти.

И последнее: решится ли Солженицын выйти из своего политического уединения и включиться как кандидат в президенты РФ в выборную кампанию? В интервью еженедельнику «Ди Цайт» незадолго до возвращения в Россию он заявил безо всяких обиняков: «Общественной деятельностью я, несомненно, буду заниматься. Но ни в коем случае не государственной деятельностью. Не приму никаких должностей и постов». Утвердился ли Александр Исаевич в своем воздержании от государства или заколебался, покажет только время. Пианист Падеревский согласился быть президентом Польши, а Эйнштейн отказался быть президентом Израиля. У великих свои счеты со временем. Поживем — увидим. Но если пожить все-таки удастся, увидим много любопытного. Власть — штука вязкая.

Сергей ЗЕМЛЯНОЙ